

18+

Эмма Ласт

ET EGO TE

Эмма Ласт

Et ego te

«Издательские решения»

Ласт Э.

Et ego te / Э. Ласт — «Издательские решения»,

Все истории любви начинаются одинаково. Так он сказал мне тогда. Все истории любви начинаются одинаково... и наша началась так. Тогда я не хотела его слушать. Я просто не была готова его услышать. Для женщины, прожившей жизнь с одним мужчиной, отдавшей ему эту жизнь, признания такого рода были сродни удару в спину. Звучит тривиально, как можно подумать, но это то, что я ощутила тогда. Меня предали. Но... я все еще верю, что моя любовь к нему поможет принять его любовь к ней.

© Ласт Э.

© Издательские решения

Содержание

I	6
II	8
Конец ознакомительного фрагмента.	9

Et ego te

Эмма Ласт

© Эмма Ласт, 2026

ISBN 978-5-0070-2578-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

*...Не плачь, я боли не боюсь — ее там нет.
Я больше, может, не вернусь, а может
Я с тобой останусь...
Останусь пеплом на губах,
Останусь пламенем в глазах,
В твоих руках дыханием ветра.
Останусь снегом на щеке,
Останусь светом вдалеке
Я для тебя останусь Светом...
Город 312 «Останусь»*

Et ego te (лат.) — И я тебя

Все истории любви начинаются одинаково.

Так он сказал мне тогда, коротко кивнув, будто встряхивая старую копилку с воспоминаниями.

Все истории любви начинаются одинаково... и наша началась так.

Тогда я не хотела его слушать. Я просто не была готова его услышать. Для женщины, прожившей жизнь с одним мужчиной, отдавшей ему эту жизнь, признания такого рода были сродни удару в спину. Звучит тривиально, как можно подумать, но это то, что я ощутила тогда. Меня предали.

Думаю, он просто почувствовал что-то. Кого-то? Я не знаю. Только это что-то стало толчком к признанию, перевернувшему мой мир. Возможно, я бы никогда не узнала о ней, о них... о Боже, иногда я думаю, что он жил с этим всю жизнь и молчал! И тогда жалею, что моя память не так избирательна, как у других людей моего возраста.

Сейчас, спустя год после его кончины, я все еще пытаюсь его понять. Не простить, нет, я простила его еще до того, как он закончил вспоминать. Но я пытаюсь осмыслить то, о чем он рассказал.

Я все еще верю, что моя любовь к нему поможет принять его любовь к ней.

I

68 символов для русского языка. 167 для английского.

Она всегда писала смс на латинице. Даже если ее сообщение состояло из одного короткого «нет». Или такого же короткого «да». Хотя «да» все-таки встречалось гораздо реже, чем «нет».

Она не была врединой или помешанной. Она была собой. Любила засиживаться в интернете допоздна, покупать самой себе тюльпаны, и гулять с ними по городу. Она любила общественные мероприятия, митинги и агитации — большие скопления людей, их энергию и силу. Любила теряться в них, знакомясь без труда, слушая с интересом их претензии и проблемы и наравне со всеми выкрикивая агитационные слоганы так, как если бы сама в них верила.

В ее сумке можно было найти все, что угодно. Если хорошенько покопаться. С год или около того там на условиях ПМЖ уверенно обосновался старенький Nikon со съемным объективом и пачка фотопленки, которой всегда не хватало.

Фотоаппарат был раритетом, до этого принадлежавшим ее отцу. Она любила Nikon как воспоминание о нем, любила старый запах его корпуса и мелкие трещинки на кольцах объектива. И ей нравилось возиться с пленкой, нравилось слушать жужжание колесиков, сматывающих ее обратно в барабан после каждого 36 кадра. И, конечно же, нравилось фотографировать. Пожилую пару на скамейке с переплетенными, покрытыми морщинами, руками, слепую дворняжку с выводком щенков в подвале ее дома или солнечные блики в листьях деревьев — все то, что вызвало в ней отклик эмоции.

Но еще большее удовольствие ей доставляло самой проявлять фотографии. В ванной, за закрытой дверью, как учил ее отец — из раствора в раствор, немного терпения, а потом на прищепку, и сушить, как белье после стирки.

За все время у нее набралось порядка двадцати альбомов. Но она считала, что это ерунда. Потому что хотела собрать действительно выдающуюся коллекцию. Она хотела выставяться и будить в людях те же эмоции, что они будили в ней.

Я видел их все. Все до единого.

Потом, гораздо позже, их увидели и другие. Как она и хотела. Более пятнадцати выставок за шесть лет. Мне хотелось думать, что это доставило бы ей удовольствие. И если бы она могла, то сказала мне спасибо, как всегда чуть заметно вытянув «а».

Она была настоящая. Живая. Особенная, если угодно.

И я любил ее за это.

Но это чувство пришло не сразу. Не было всполохов на небе, знамений и замирения сердца при первом взгляде. Если быть честным до конца, она не была тем типом девушек, которые мне нравились. Слишком высокая, слишком худая, слишком активная, слишком кудрявая... слишком... слишком... слишком... но именно эти «слишком», как мне думалась потом, и сыграли определяющую роль.

Она была другая. Без жеманностей, уловок и кокетства. Прямая и непреклонная в своих желаниях, она никогда не отступала от задуманного. И, о, да, могла с легкостью отменить наше свидание, если находилось что-то слишком важное, чтобы откладывать на потом. И все же она меня любила. Своим, особенным *слишком* сложным сердцем. И я знал это так же точно, как то, что по утрам она никогда не завтракала.

Но все это было позже, гораздо позже.

Иногда я думаю, что виной всему моя непреклонная вера в ее правоту. Да, я всегда ей уступал. Злился, кричал, даже уходил, но всегда уступал. Она обладала той удивительной силой убеждения, которая разбивала в пух и прах мои доводы и уверенность в собственной правоте.

В тот раз я тоже уступил ей. Можно ли меня за это винить? Они говорили нет. Ее друзья, семья — все те люди, которые, так или иначе, знали и любили ее. Они говорили, что в том не было моей вины. Я согласно кивал, но внутри был убежден в обратном. Я думаю так и сейчас. Я думаю, что должен был хоть раз в жизни настоять на своем. Именно в тот раз настоять на своем. Тогда, возможно, все было бы по-другому.

Но я не могу знать этого наверняка, не так ли?

II

Мы не были одного поля ягодами. Даже круг общения — а ведь наше знакомство было чистой случайностью — нельзя назвать общим. Да, была пара друзей, с которыми мы иногда собирались по субботам, пили пиво и разговаривали за жизнь, но ничего более.

На такие встречи она всегда опаздывала — у нее, конечно же, уже тогда были какие-то свои дела. Но ребята относились к этому снисходительно, потому что она была веселой, жизнерадостной и всегда таскала с собой ворох историй, приключившихся с ней за неделю. Она говорила очень быстро и эмоционально. Это еще одна ее особенность. Стенографировать речь четко поставленными литературными фразами, приправленными энергичной жестикуляцией. Сколько я ее помню, она всегда была в центре внимания. Она любила внимание. И я ревновал. Все то время, что мы были вместе, я жутко ревновал.

А она никогда не ревновала меня. Однажды из-за этого я даже чуть не совершил глупость... но я был молод и мне никогда так не хотелось почувствовать, что она нуждается во мне не меньше, чем я в ней.

Поставь меня, молодого и рьяного, в ряд с еще дюжиной таких же парней, помешанных на футболе и сексе, и поймешь, что я имею в виду. Я не был кем-то выдающимся, у меня не было золотой медали за окончание школы, не говоря уже о красном дипломе. Зато у меня был целый набор вредных привычек. И бездонная пропасть эгоизма.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.